

УДК 330.1 (075.9)

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРЕНД И СОВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой институциональной и теоретической экономики Белорусского государственного университета. **E-mail:** Liamp@bsu.by

Статья посвящена не совсем обычному и привычному для исследователя экономического ресурсу – институтам и институциям, которые, с одной стороны, иницируют, организуют в той или иной степени эффективности использование этих традиционных ресурсов, а с другой – сами впитывают и оформляют результат социально-экономического и нравственно-культурного развития, создавая потенциал к развитию на следующем историческом цикле эволюции. *Предмет исследования* – область устойчивых политико-культурных и социально-психологических отношений, создающих потенциальные условия и возможности страны к развитию и росту. *Цель работы* заключается в том, чтобы зафиксировать российский исторический контекст эволюции с формальными проявлениями, инициированными различными внутренними и внешними институтами. *Сделан вывод* о необходимости проведения эволюционной динамики как наиболее оптимальной с точки зрения трансформационных издержек, предполагающей сочетание экономической генетики и имеющихся в стране ментальных свойств с формальным институциональным регулированием. Реформы последних десятилетий, а также текущая санкционная война ориентируют на стратегию регионализации и формирование политико-экономических союзов стран, близких по ментальным признакам населения, политиков, бизнеса.

Ключевые слова: институты; экономическая ментальность; развитие; регионализация.

Russian Development Institutions: Historical Trend and Modern Constraints

PYOTR S. LEMESHCHENKO, ScD (Economics), professor, Head of the Institutional and Theoretical Economics Department, the Belarusian State University. **E-mail:** Liamp@bsu.by

The paper deals with institutes and institutions, an economic resource so far not quite typical for researchers. On the one hand, the above organizations initiate and control the activities of conventional resources; on the other hand, they absorb and summarize the results of the socioeconomic and ethical-cultural development creating the potential for development at the next stage of the historical evolution. The subject of research is the area of stable political-cultural and socio-psychological relations that provide potential conditions and opportunities for the country to develop and grow. The purpose of research is to fix the Russian historical evolution context and its formal manifestations initiated by various internal and external institutions.

A conclusion highlighting the need for the evolutionary progress as the most optimal in terms of transformation costs is made, which means combining the economic genetics and the country's mental abilities with formal institutional regulation.

Reforms of the past decades as well as the current sanctions war call for the strategy of regionalization and establishment of political and economic alliances of countries with similar mentalities of the population, politicians, and businesses.

Keywords: institutions; economic mentality; development; regionalization.

Значение институтов развития для России

При анализе институтов, выступающих в роли нового нематериального, но доминирующего ресурса современной экономики, следует иметь в виду, что далеко не все страны могут по разным причинам выстраивать соответствующую историко-социальному генотипу и ресурсным составляющим институциональную матрицу. Мировой опыт свидетельствует о том, что страны, которые достигают наиболее высоких экономических показателей, всегда обладают высокоразвитыми институтами. «Развитость институтов является поистине тем золотом, которое не

всегда блестит, но без которого, по большому счету, невозможно процветание страны» [1, с. 14]. Но это при условии эволюционного развития [2, с. 56–66]. Революционные изменения институтов меняют подходы к их качеству.

За XIX–XX вв. в России произошло немало судьбоносных реформ, которых хватило бы доброту десятку стран на двести-триста лет. В дискуссиях о судьбах России участвовали и участвуют люди разных сословий, профессий и образования. Сто лет назад при публикации своего труда С.Н. Булгаков предложил задуматься о более сакральных мотивах мышления и поведения человека при

формировании новой политико-экономической системы, отличной от прежней царско-монархической, со специфическими элементами «русского рынка». И сегодня эти идеи общего и специфического находят отклик у специалистов под влиянием изменяющейся реальности. Но, к сожалению, не на практике. Политико-правовые формы и инструменты «подавляют» экономические законы, фиксирующие историко-генетические тренды, что депрессивно влияет на показатели социально-экономической эффективности.

Отражением длительных и весьма острых дискуссионных между «западниками» и «славянофилами» в России стало принятие половинчатого решения — отмена в 1861 г. крепостного права. И хотя это было противоречивое и во многом формальное изменение основного конституирующего отношения страны, оно привело к существенному росту темпов экономической динамики: интенсивно строились железные дороги, сократилось отставание России от других стран по среднему доходу, темп роста этого дохода был примерно равен темпам западных стран [3, с. 207, 366—368]. Однако для России этот институциональный прорыв не обеспечил ожидаемого экономического прорыва — сработал эффект исторической колеи. *Первое* — это сложившаяся под воздействием религии и особых властных отношений ментальность населения и «политических элит». Независимо от того, хотим мы этого или не хотим, у большинства населения сохранилось сильное чувство патернализма и других ментальных свойств, которые никак не способствуют повышению экономической активности [4]. Сложилось также своеобразное отношение к труду как основному источнику богатства. Мало кто сегодня верит, что благодаря честному и активному труду можно обеспечить себе уверенное благополучие, хотя количество верующих людей значительно увеличилось. Но разные религии по-разному трактуют понятие труда и его роли в экономической деятельности. Например, православие призывает «молиться и трудиться», католицизм — «трудиться и молиться», а протестантизм — «труд и есть молитва». *Второе* — это закрепленные даже в формальные нормы общинные отношения, связанные с коллективным использованием земли, круговой порукой и т.д. По сути, эти отношения создали сильнейшее противодействие столыпинской реформе. «Жить как в Европе, а править как в России» — эта формула власти-собственности сохранилась, пожалуй, по сей день.

Экономическая история — это история экономических идей

Современная мир-экономика представляет собой сложную и многоуровневую структуру, в которой происходят *хаотические и противоречивые* количественные и качественные сдвиги. В ней воплотились не только стихийные начала эволюционного процесса, но субъективированное знание, действия политиков, менеджеров. Признание необходимости изменить сложившийся мировой экономический порядок означает признание необходимости парадигмально-методологической *реконструкции* доминирующих теорий экономической науки. История эволюции науки свидетельствует о том, что инерция существующего экономического мышления оказывается сильнее инерции реальной экономики. С опозданием циклическую траекторию повторяет в развитии и наука об экономике, создавая ограниченным, неполным и несвоевременным знанием предпосылку для каждого последующего цикла. Вряд ли кто будет отрицать тот факт, что циклы российской экономики несколько шли вслед за европейскими циклами. Это ни хорошо, ни плохо, но уже по последствиям в западной части Европы можно было судить о российских последствиях. Кстати, есть две закономерности, которые объясняют высказанный выше феномен. *Первая* — российская экономическая мысль была в основном в зависимости от западной экономической мысли. *Вторая* — проникновение идей на восток шло всегда с опозданием. Специфика российской мысли во многом заключалась в том, что она не «вела», к сожалению, мировую экономическую мысль. Причина — сложившаяся хозяйственная практика, ее уровень. Содержание же этой специфики велось во круг отставания права на «свой путь развития», например, в отличие от «западничества».

Пожалуй, нельзя не назвать одно исключение, хотя некоторые, возможно, найдут и другие оригинальные труды. Но все же «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.) И.Т. Посошкова стоит того, чтобы ее не только назвать, но и выделить, поскольку в ней автор не только обращается к нематериальному богатству — духовности нации, но и в последней видит предпосылку социально-экономического развития в целом. Напомним, глава 1 «О духовности» открывает этот труд. И это в то время!

Россия не первая страна в мире, которая приняла капитализм. Такое решение далось ей крайне тяжело, поскольку в этой общественной форме организации русские исследователи видели, что вполне правомерно, огромные недостатки и несправедливости.

Но Россия — первое государство, которое ответило в 1917 г. на исторический вызов и предприняло усилия, направленные на решение накопленной прежней системой всеобщей несправедливости, проявлявшейся в разных плоскостях. Например, этический контекст справедливости в Европе выражался через общепринятую норму эквивалентных отношений и классическую норму права. Российский же вариант справедливости нашел проявление в постоянных бунтах и захвате частной собственности, предававшейся чаще всего обычному разгрому. При некоторых разногласиях в оценке и перспективах политико-экономического режима российского самодержавия, формах его модернизации, выражаясь языком сегодняшнего дня, все же можно утверждать, что за осуществление институциональных кардинальных изменений выступало большинство сообщества интеллектуалов. Поскольку до настоящего времени не дана оценка этого сложнейшего по всем своим событиям исторического периода, сошлемся на труд А.А. Зиновьева [5], привлекающий внимание ученых больше методологией исследования социально-исторических процессов, рассуждениями, чем выводами.

К сожалению, политико-экономическая мысль эпохи социализма до настоящего времени не проанализирована и не получила своей оценки: была семидесятилетняя история жизни общества, но истории исследования мысли и идей этого периода создать не удалось. А ведь по ней можно отследить непростой период поиска людьми способов хозяйствования по-иному, поскольку по-новому править они не могли, а по-старому жить не хотели. Но оказывается, что экономическая история существует, а мысли, ее несущей, конституирующей и конструирующей, нет. Не накоплен обобщенный социальный опыт, чтобы можно было на генетическом уровне сохранять институциональное равновесие страны, позволяющее без особых разрушений все-таки выходить с учетом изменяющихся технологий, форм общения и т.д. на действительно более эффективные формы хозяйствования, модернизируя капитализм через социализм, а последний — в более эффективный экономический и социальный строй, что делается сегодня. Обращение к истории экономической мысли времен социализма особенно 1920–1930-х гг., показывает, что, *во-первых*, при всех коллизиях затрагивается весьма на глубоком уровне неожиданно (?) возникший пласт проблем, которые находят оригинальные и практичные пути решения. *Во-вторых*, научное сообщество

гуманитарной сферы не обогатилось приращенными за весь прошлый период знаниями и тем более мудростью, иногда стоящими больше, чем, например, очередной мультипликатор или акселератор. Ведь, например, план ГОЭЛРО сфокусировал в себе единство верного понимания державного и индивидуального интересов на определенный исторический момент, сконцентрировал политическую волю и технические возможности для реализации нового технологического способа производства (!), что позволило СССР завоевать в этот период мировое лидерство в первый и последний раз за всю свою историю. То, как выглядит объем производства экономики СССР накануне Второй мировой войны, представлено в *табл. 1*.

Напомним, в этот предвоенный период начинается дискуссия относительно предпосылок самостоятельного существования и практической необходимости политэкономии социализма, которая, по сути, завершается в 1952 г. книгой Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Главный вывод, который можно сделать из анализа своеобразной теоретической лаборатории, заключается в том, что политэкономическая мысль институционализировалась мыслью державного деятеля. Оформилась своего рода парадигма политической экономии социализма, из которой следовали, если говорить упрощенно, ограниченность и зависимость закона стоимости от плановых законов социализма. Но «недочет в понятиях» все-таки имел место. Он объясняется тем, что строить новую экономическую модель, которой не было в мире аналога, — дело архисложное и, как показывает история, неблагодарное. И все же дискурс относительно содержания понятий «экономические законы социализма», «социализм» и других был весьма широкий. Но добавление словосочетания «в условиях социализма», так же как сегодня «в условиях рынка или перехода к рынку», дезорганизует мышление и не дает верного, действительно научного методологического старта для исследования любой проблемы. А о каком рынке идет, например, речь? Рейнской модели, скандинавской, англо-американской или какой-либо другой и какого периода?

Июньский пленум ЦК КПСС 1983 г. привел в смятение экономистов выводом о том, что «мы не знаем то общество, в котором мы живем», а апрельский Пленум ЦК КПСС 1985 г. поставил в качестве задачи выработку теоретической платформы и практических рекомендаций по перестройке и ускорению. Запомним, такая оценка познанной «социалистической

Таблица 1

Динамика производства некоторых стран в 1939 г. (1913 г. = 100%), %

Страны	Общее производство	Производство в расчете на душу населения	Промышленность
СССР	210,0	161,5	318,4
США	175,8	122,1	154,0
Великобритания	138,3	119,2	151,7
Германия	165,9	132,2	149,3
Франция	124,0	123,3	110,0
Италия	164,0	129,7	161,4

Источник: Герман Ван дер Вее. История мировой экономики (1945–1990) / пер. с франц. М.: Наука, 1994. 413 с.

реальности», и не только ее, давалась почти после шести десятков лет исторического опыта.

В ходе дискуссий возникало много вопросов под влиянием изменяющейся практики как в целом в мире, так и в СССР. Однако незаметным для большинства рассуждающих профессионалов и любителей о «путях перестройки» оказалось закамуфлированное смещение акцента с поиска расширения путей повышения эффективности в рамках социалистической доктрины на никем не доказанный, но неосознанно принятый тезис — «альтернативы рынку нет». Конечно, последнее принципиально меняло содержание дискуссии, но еще раз отметим, что такая замена одной идеологической доктрины или основополагающей аксиомы на другую оказалась незамеченной не только экономистами, но и политэкономистами, представителями всей гуманитарной сферы. Неискушенные в практике капиталистического хозяйствования экономисты, физики, химики, математики и другие специалисты в рамках своих интуитивно-мировоззренческих представлений стали рассуждать о возможностях построения рынка с «человеческим лицом». С позиций сегодняшнего дня многое, что происходило два десятка лет назад, кажется наивным. Обратившись, однако, к недавней истории, публикациям того времени, можно убедиться в том, какой серьезный резонанс получила абсолютно пропагандистская «программа 500 дней». Но, тем не менее, известные ученые пытались обосновать в СМИ возможности такой быстрой институциональной трансформации...

И дело, может, даже не в абсурдно коротком сроке, отведенном на фундаментальные трансформации базовых институтов. Дело в том, что «основоположники современной реформы» заложили в нее ... план приватизации. Так же как и его социалистический

аналог — план производства, он имел цель (?), сроки, этапы, мероприятия, ряд количественных показателей. «Теоретики» реформ, наконец, следуя примеру «советских бюрократов», навязывали свои собственные предпочтения и приоритеты, интересы и мотивы всем участникам процесса смены собственника. И, конечно, в это поверили. Но последнее обстоятельство никак не имело отношения к науке, поскольку понятие «вера» связано в первую очередь с религией. Целью реформ было создание абстрактной модели рынка, нигде в мире не существующей, а критерием завершенности переходного периода объявлялось выполнение «плана приватизации», т.е. смены собственника. Неважно, что в результате разрушения социального капитала практически во всех постсоциалистических странах произошла деиндустриализация и снизилась в несколько раз эффективность использования имеющихся ресурсов со всеми вытекающими отсюда последствиями. В результате формально завершившегося процесса приватизации поменялись лишь субъектно-объектные рамки отношений собственности. При этом никто не считал резко возросших транзакционных издержек по данной процедуре дальнейших реформ, равно как возросшего уровня данного вида издержек по управлению этой собственностью. Но что дальше? Ведь реально проблем стало значительно больше, чем до начала объявленного периода «системных трансформаций», а теоретически аргументированных ответов на вызов этих проблем не добавилось [6].

Не являясь сторонником ни нравственной, ни интеллектуальной позиции А. Чубайса, который уже после «политического внедрения рынка» (!) в России ставит вопрос «что делать?», приведем центральную мысль его статьи: «Таким образом, советская экономика уже не справилась с задачей инновационного

развития. Российская рыночная экономика еще не сумела с ней справиться... Чего пока не хватает?.. Необходимо на некоторое время сбавить темп, оценить сделанное и заново обозначить цели. Нужна комплексная стратегия инновационного развития. Для начала нужно выбрать оптимальный горизонт планирования» (подчеркнуто мною, — П.Л.) [7, с. 120–126]. Вот так — необходим жесткий план научно-технического развития с концентрацией внимания на фундаментальных, прорывных стратегиях с горизонтом в десять–двадцать лет. Но парадокс налицо — две, казалось бы, альтернативные системы оказываются одинаково невосприимчивыми к научно-техническому прогрессу. Но в первом случае, как было принято говорить, недооценивалась роль денег в этом процессе, а во втором случае явно доминирует даже не денежный интерес, а алчность бизнеса, ориентированного на простой утилитаризм. Итог — разрушение и потеря многими молодыми рыночными странами своего научно-технического, производственно-экономического и социально-институционального потенциала.

Таким образом, современный этап новейшей экономической истории стран бывшего социализма можно выразить следующими категориями: хозяйственный расчет, перестройка, демократизация, научно-технический прогресс и ускорение (проблема), рынок, приватизация, инновации, модернизация и развитие. Иными словами, и социалистическая система, и нынешний постсоциалистический рынок оказались одинаково невосприимчивыми к инновациям и активному повышению конкурентоспособности и качества продукции. Под давлением узкоэгоистических политических интересов усилилась национальная обособленность стран, в результате чего природно-сырьевая направленность их экономик усилилась, а разложение соответствующих технологических укладов значительно обусловило деиндустриализацию не только, например, России, Молдовы, других ныне уже самостоятельных государств, но и Беларуси, которая в рамках единого союзного комплекса имела весьма высокие индустриально-экономические показатели. Например, если в начале 1990-х гг. в Беларуси доля продукции пятого технологического уклада в структуре ВВП занимала около 10%, то после попыток реализации национальных инновационных систем этот показатель уменьшился до 3–4%. В основном инновациям подвергается в настоящее время освоение новых видов продукции ресурсных отраслей при максимальной загрузке имеющегося оборудования и значительно меньше

инноваций внедряется в освоение новых технологий, машин и оборудование [8, с. 194–195].

Антироссийские санкции как проявление общего кризиса глобального капитализма

Сегодня можно наблюдать очередной этап формирования новой мир-системы, характеризующийся достаточно структурированной с точки зрения доступа к различным базам данных агрессивной и недемократичной информацией. Новый метод коммуникации, который можно назвать методом джунглей, породил удивительное сочетание правды и вымысла, что само по себе является сутью информационной войны, но не конкуренции. С последней, как показали события последних лет в Украине, начинаются реальные войны. Война в Украине, санкционная война, объявленная России, есть закономерный этап проявления общего кризиса глобального капитала, который не сумел другими методами обеспечить свое существование. Эта война подтверждает ту закономерность, что каждый общий кризис всегда сопровождается не просто локальным военным конфликтом, а имеет крайне серьезные военно-политические события. И, к сожалению, всегда Россия оказывалась не просто затронутой историческими событиями (например, 1812, 1914, 1941 гг.), а становилась их главным актером. Не будем рассматривать иные мировые баталии, но вопрос возникает крайне серьезный: что это и в чем причины такого очередного жесткого противостояния уже не двух систем, а России и, по сути, западной системы ценности и возможностей геополитического влияния; как можно преодолеть текущую информационную и политико-экономическую войну (пока такую) и какова перспектива более мягкого выхода из этой сложной ситуации? Борьба за глобальную ренту (!) как основную форму дохода глобального капитала выходит за пределы экономической конкуренции на уровень конкуренции институциональной. Реально она проявилась как санкции против самостоятельного политико-экономического поведения России в мировом пространстве.

Регионализация как средство минимизации последствий санкционной политики Запада

Как показывает анализ эволюции технологических, хозяйственно-экономических и социальных тенденций, последствия санкционной войны можно минимизировать посредством регионализации, т.е. выбора независимых партнеров, имеющих исто-

Таблица 2

Производство сельхозпродукции на душу населения, 2013 г., кг

Продукция	Казахстан	Беларусь	Россия
Зерно	1072	803	636
Сах. свекла	4	459	274
Картофель	196	625	210
Овощи	190	172	102
Скота и птицы в уб. весе	55	124	60
Молоко	287	703	214
Яйца	228	418	288

Источник: расчеты по данным URL: www.world.bank.org и данным статистики стран.

рические традиции экономических и культурных отношений, интересы которых непротиворечивы или же совпадают на определенном историческом отрезке. Следует, *во-первых*, отойти от стандартов оценок «традиционной» (неоклассической) теории в текущей ситуации, поскольку именно она привела Россию и другие постсоциалистические страны к неокOLONIALной зависимости. Конечно, теория теорией, а голову свою имей, но, к сожалению, массовая атака на общественное мнение (приватизация, либерализация и пр.) свою задачу полностью выполнила — переходный период закончился, но что дальше? *Во-вторых*, следует объективно оценить качество собственных институтов как через призму сложившегося расчета всемирных индикаторов, например индексов человеческого развития, глобализации, привлечения иностранных инвестиций и др., так и в контексте своей колеи исторической эволюции. *В-третьих*, подлежат рациональной оценке положительные стороны России и ее государств-партнеров в текущей ситуации. Что касается последнего обстоятельства, то политико-экономическая сила страны прежде всего заключается, как бы это ни парадоксально звучало, в ее хотя и противоречивой, но все же в длительной самостоятельной истории народа, умеющего в нужное время аккумулировать свой духовный, экономический и политический потенциал по сравнению с другими странами, испытывающими подобного рода сложности. Далее, это большие золотовалютные резервы, положительные международные инвестиционные позиции, маленький государственный долг и относительно низкий бюджетный дефицит, не критический уровень инфляции и безработицы. Есть и другие положительные институциональные

свойства, которые, так или иначе, проявляются в российской экономической истории. Если *табл. 2* показывает, что мы имеем для физической или природной экономики, то *табл. 3* свидетельствует о потенциальных возможностях экономики интеллектуальной, способствующей инновационной стадии развития.

Табл. 3 свидетельствует о *качестве* социально-экономических стран с точки зрения освоения укладов и отраслей «новой экономики». Это очень важные характеристики для оценки потенциальных возможностей постиндустриального развития [1].

Выводы

Современный период высветил, что национальные рынки, и не только финансовые, но и товарные, рынки физических активов капитала и труда, рынок идей утратили состояние устойчивости, а сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, которые выработаны А. Смитом. По сути, это было главным завоеванием капитала, которое симулировало снижение затрат, повышение эффективности и, таким образом, формировало условия для развития. А сегодня это основное противоречие этапа глобального капитала. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы — сохранение политико-экономической демократии и обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал. Острота противоречия очевидна: никто как бы конкретно не виноват по юридическим законам (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но эти законы никак не координируются

Таблица 3

Место стран ЕАЭС в рейтинге готовности к экономике знаний, 2012 г.

Страна	<i>Knowledge Economy index</i>	<i>Knowledge index</i>	<i>Innovation index</i>	<i>Education index</i>	<i>ICT-index</i>
Беларусь	59	45	60	33	47
Казахстан	73	63	91	40	68
Россия	55	40	40	44	44
Армения	71	78	82	39	100

Источник: URL: www.world.bank.org.

с экономическими законами — произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономики. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. А в результате, как пишет Нобелевский лауреат П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы — только что из колледжа — в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» (подчеркнуто мной, — П. Л.) [9, с. 55].

Реально названное противоречие выразилось в том, что молниеносно преобразуясь и концентрируясь благодаря информационным технологиям, «новый» фиктивный капитал спровоцировал или, что называется, создал ситуацию 2008 г., которую тоже назвали кризисом, а также был в основе экономической блокады 2014 г. из-за попыток России вести самостоятельную политику. Это фундаментальный парадокс практики глобального капитала, но еще больший парадокс состоит в том, что такая практика признается рациональной, хотя иррациональность движения фондового рынка очевидна. Поскольку, таким образом, падение курса акций известных компаний автоматически поставило последних перед кредиторами в разряд должников из-за снижения или даже простого «обнуления» экономического обеспечения кредитов в банках, вполне естественным выглядит передача акций за символическую плату тем, кто владеет на текущий период ликвидным материалом, т. е. банкам или финансовым компаниям. Таким образом, предсказанная Т. Вебленом дихотомия бизнеса

и предпринимательства довела эту проблему до разлома.

Если сказать еще проще, современный капитал реализует свое устремление к максимизации прибыли не за счет производства благ и услуг, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития транзакционного сектора в целом. Для этого он создал особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансово-денежного капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал существенно переродился. Он уже не несет ответственности за свои действия, а предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки и другие негативные последствия. По сути, это капиталистический коммунизм — новая эпоха в развитии рыночной экономики, превратившейся в свою противоположность. Этот порядок, если надо, поддерживается далеко не экономическими и политическими методами. Новый передел мира всегда сопровождался военными конфликтами разного уровня и глубины. Для России в таких условиях либерально-рыночная стратегия политико-экономического поведения, основанная на импорте рекомендуемых международными организациями институтами, меняется на политику формирования региональных союзов. В частности, такими союзами реально выступают БРИКС, ЕАЭС, двусторонние экономические отношения между странами, где сложились долгосрочные торговые и другие связи.

Таким образом, современный кризис мирового хозяйства глобального капитала — это кризис парадигмы самого капитала не только в практике, но и в теории. Новый экономический бестселлер Т. Пикетти [10] свидетельствует об этом. Мир-экономика сегодня представляет собой многоукладную систему, в которой взаимодействуют простое товарное производство, малый, средний и крупный бизнес фирм-аутсайдеров, монополии, банковские монополии, финансовый капитал, ТНК. Эту сложную для изучения и эффективного управления пирамиду «возглавлял» до настоящего времени глобальный капитал, который и задавал правила, нормы поведения всей системы мир-системы, ее циклы и траекторию. Сегодня эта сложная пирамида серьезно закачалась, в том числе под влиянием общего мирового кризиса. Какая следующая ступень? Это тема отдельного непростого анализа и разговора для экономической науки. Тот же П. Кругман пишет: «... История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих» [9, с. 458]. Российско-украинский конфликт всего лишь повод для того, чтобы глобальный капитал попытался острыми формами найти выход из этого плохого равновесия для своего сохранения и последующей модернизации.

Литература

1. Мировые индексы и рейтинги // Зеркало недели. 2007. № 42–43.
2. Вольчик В., Бережной И. Группы интересов и качество экономических институтов // Экономический вестник Ростовского госуниверситета. 2007. № 2. Том 5.
3. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010.
4. Лемещенко П.С., Сидорова А.М. Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия. Минск, 2013.
5. Зиновьев А.А. Несостоявшийся проект. М., 2011.
6. Полтерович В. Стратегия модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4.

7. Чубайс А. Инновационная экономика в России: что делать? // Вопросы экономики. 2011. № 1.
8. Хмурович Л.В. Инновационный аспект деловой активности белорусских промышленных предприятий / Сб-к «Перспективы инновационного развития Республики Беларусь». Брест: БрГТУ, 2012.
9. Кругман П. Великая ложь. М.: Москва, 2004.
10. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Harvard University Press, 2014.

References

1. World indexes and ratings [Mirovye indeksy i rejtingi], *Zerkalo nedeli*, 2007, No 42–43, pp. 42–43.
2. Volchik V., Berezhnaya And. Groups of interests and quality of economic institutes [Gruppy interesov i kachestvo jekonomicheskikh institutov], *Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosuniversiteta*, 2007, No 2, volume 5, pp. 56–66.
3. Nureev R.M., Y.V. Latov. Russia and Europe: effect of a track (experience of the institutional analysis of history of economic development [Rossija i Evropa: jeffekt kolei (opyt institucional'nogo analiza istorii jekonomicheskogo razvitija)]. Kaliningrad, 2010, pp. 207, 366–368.
4. Lemeshchenko P.S., Sidorova A.M. Informal institutes and market reform in Belarus: evolution, contradictions, strategy [Neformal'nye instituty i ry-nochnaja reforma v Belarusi: jevoljucija, protivorechija, strategija], Minsk, 2013, 104 p.
5. Zinovjev A.A. Cancelled project [Nesostojavshijsja proekt]. Moscow, 2011, pp. 1–43.
6. Polterovich V. Modernization strategy, institutes and coalitions [Modernization strategy, institutes and coalitions], *Economy Questions*, 2008, No 4, p. 18.
7. Chubais A. Innovative economy in Russia: what to do? [Innovacionnaja jekonomika v Rossii: chto delat'?), *Economy questions*, 2011, No. 1, pp. 120–126.
8. Hmurovich L.V. Innovative aspect of business activity of the Belarusian industrial enterprises [Innovacionnyj aspekt delovoj aktivnosti belorusskih promyshlennyh predpriyatij], *Sb-k «Perspektivy innovacionnogo razvitija Respubliki Belarus»*. Brest: BrGTU, 2012, p. 194–195.
9. Krugman P. Great lie [Velikaja lozh']. Moscow, 2004, p 458.
10. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Harvard University Press, 2014.